

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ПАЛЕСТИНСКИЕ ОБИТЕЛИ И РОССИЯ

Часть 3

МОНАСТЫРЬ ПРЕПОДОБНОГО ГЕОРГИЯ ХОЗЕВИТА

Вправо от большой дороги из Иерихона в Иерусалим, среди гор лежит пустыня Хузив. Горный поток Хорафа когда-то прорыл в ней глубокое ущелье, называемое Кутилийским, и в зимнее время с шумом и грохотом несет свои стремительные воды по оврагу. В эту дикую местность в библейские времена пришел скорбеть и молиться неутешный Иоаким, праведник из рода Давидова, которому священники в храме отказали в принятии жертвы — за бездетность. И поселился в пещере, где и пребывал в посте и молитве 40 дней и ночей. Здесь посетил его Ангел Господень, обещавший рождение от него Благословенной Дочери. Обрадованный праведник поспешил в дом свой в Иерусалим к супруге своей Анне, и вскоре совершилось сказанное Ангелом. (Такое предание подтверждается и тем, что в Богородичном приделе Хозевитского монастыря изображен праведный Иоаким¹.)

Предание говорит о том, что св. праведная Анна, отведав трехлетнюю дочь свою Марию в храм, удалась с несколькими благочестивыми женами на место скорбной молитвы мужа в Кутилийское ущелье и там жила отшельницей. Позднее здесь поселились монашествующие и почитали на этом месте след стопы св. праведной Анны. Эту стопу при нашествии мусульман иноки увезли с собой на Афон, положив и там начало обители Св. Анны, доньше существующей².

Пещерная обитель: страницы истории

Монастырь ютится на узком уступе, наподобие полки, выступающей в совершенно отвесной скале ущелья Вади Кельт, в пяти километрах к западу от Иерихона. Монастырские кельи и храм целиком высечены в скале, на высоте 25 м над ложем потока, теперь большую часть года безводного. Шум его можно слышать только самой ранней весной.

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 106.

² Святая Земля. Париж, 1961. С. 144—145.

В 80-х годах V века здесь была основана обитель, которая сегодня известна как монастырь Георгия Хозевита или Козиба. Арабы называют его Дейр мар Джирис или аль-Хадер, подразумевая под этим именем другого святого, св. Георгия Лиддского (Победоносца), или Дейр эль-Кельт, по названию ущелья. По свидетельствам монаха Антония, жившего в монастыре на рубеже VI–VIII веков, монастырь, как *киновия*, был основан между 480–520 годами Иоанном, родом из Египта, подвизавшимся прежде в Фиванской пустыне, а затем переселившимся в Палестину и прозванным впоследствии Иоанном из Козибы (Хозевитом). А до него в пещерах подвизались пять сирийских отшельников (их могила находится под церковью Свв. Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита).

Преподобный Иоанн Хозевит родился в городе Верхнего Египта, Фивах. Омонашившись в молодых годах, он сначала подвизался под руководством своего деда в пустыне Фиваидской. Ему захотелось поклониться святым местам в Палестине. Побывав в Иерихоне и полюбив соседнее с ним пустынное место Хозевское, он поселился тут в готовой пещере. Скоро открылось, как близок был Богу этот святой пещерник. Недалеко от него подвизался великий постник Анания и был известен многим. Однажды некий богатый христианин привел к нему бесноватого сына своего и просил его молиться о нем, да исцелит его Бог. Анания, по смирению своему, не принял к себе этого недужного, но приведшим его людям велел отыскать пустынника Иоанна Египтянина. Они нашли его в Хозевитском ущелье и высказали свою просьбу. Смирный отшельник сначала отказывался исполнить ее, но потом, видя их настоятельную мольбу, помолился Богу и, обратившись к нечистому духу, сказал: именем Иисуса Христа Иоанн повелевает тебе, нечистый дух, выйти из сего отрока. Сей дух тотчас вышел, а отрок стал здоров. Молва об этом чуде распространилась далеко и прославил хозевитского отшельника. В царствование Иустина I (518–526), когда освободилась кафедра Палестино-Кесарийской епископии, Иоанн был вызван из пустыни и против воли поставлен на эту кафедру. Он занимал ее недолго и при Иустине Благоверном и, любя безмолвие, оставил Кесарию и ушел в свою обитель Хозевитскую, где и скончался ранее 536 года³. Затем преемником Иоанна стал Георгий, в честь которого и назван монастырь⁴.

Монах Антоний составил жизнеописание Георгия Хозевита, написанное им в 631 году. Георгий родился на Кипре, в семье набожных родителей, его дядя был даже настоятелем монастыря. С юных лет Георгий мечтал об отшельнической жизни. После смерти родителей он отправился в Палестину на поклонение святым местам. Здесь он поступил в иноческую Хозевитскую общину, где поначалу служил помощником садовника, намереваясь впоследствии уйти в пустыню, но так и остался здесь навсегда. Георгий Хозевит за свой кроткий нрав быстро снискал всеобщую любовь, он также прославился как чудотворец. Чтобы избежать низкопоклонства своих товарищей-монахов, он решил присоединиться к своему брату Ираклию, который еще раньше него отправился в Палестину и стал монахом в лавре Каламон (недалеко от монастыря Св. Герасима). Они провели вместе 20 лет, но затем, после смерти брата и по совету настоятеля монастыря, Георгий вернулся в Козибу.

Вскоре он стал духовным наставником общины; даже отшельники, приходившие в монастырь из отдаленных пещер, испрашивали у него благословения. И тем не менее официально он никогда не был настоятелем и не занимал никаких должностей. В 614 году он был взят в плен персами, но те не причинили ему вреда. По другой версии, Георгий укрылся в одной из пещер Вади Кельт и пересидел там персидское нашествие. Георгий умер в 625 году и был похоронен в монастыре⁵.

³ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 106–107.

⁴ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtm>

⁵ Там же.

Нездолго до персидского нашествия в Хозевитской обители жил старец, отличавшийся особенно любовью к ближним. Когда он пребывал еще в своем селе, в котором родился, тогда если замечал, что у кого-либо из односельчан не было хлеба для посева, выходил со своими ослиами и семенами на ниву бедного земледельца и без ведома его засеивал ниву его. А живя в Хозевитском монастыре, всячески старался помогать ближним. Запасшись хлебом и водой, он выходил на дорогу, ведущую от Иордана к Иерусалиму, и, если встречал путника, уставшего под тяжелой ношей или изнеможенного от голода, от жажды, давал ему хлеб и воду, снимал с него ношу, возложив на себя, шел с ним далее; так старец доходил до горы Елеонской и оттуда до Иордана. Иногда он носил детей на плечах своих; если встречал нагого, снимал с себя одежду и ему отдавал ее; когда на дороге находил мертвого, пел над ним псалмы, читал молитвы и, вырвав могилу, погребал его⁶.

В VI веке в этом монастыре жили пять тысяч монахов. Но с 614 года судьба этой знаменитой лавры изменилась. Персидский шах Хозрой разорил лавру, многих иноков зарезал, а иных взял в плен⁷. Долгие века после персидского разорения монастырь, процветавший некогда при преподобных Иоанне и Георгии Хозевитах («хозевит» — житель ущелья Хозева (Хузива) и монах одноименной лавры), лежал в развалинах и забвении. (В Хозевитской обители уцелели только следы стеной живописи⁸.)

Прошли столетия, и постепенно обитель начала оживать. В начале IX века в монастыре в Хозеве настоятельствовал авва Лет (Laetus⁹). В том же IX столетии монах Епифаний в своем описании Св. Земли упомянул только, что существует дом Иоакима — монастырь и что от него в четырех милях к востоку находится Иерихон¹⁰. Обитель была возрождена в эпоху крестоносцев; в 1106 году игумен Даниил свидетельствовал: «И есть от Иерусалима до Иордана 26 верст великих, 15 верст до Кузивы, идеже постился Иоаким неплодства ради своего; и есть место то в потоце глубоко у пути близ на левой руке тамо идуче. А от Кузивы до Иерихона 5 верст, а от Иерихона до Иордана 6 верст...»¹¹

Греческий писатель XII века Фока в своем «Сказании» сообщает: «За этим монастырем (св. Евфимия) есть пространство, примерно в двенадцать миль, и за ним находится большой овраг, а среди его (оврага) проходит поток, на противоположной стороне которого есть монастырь Хозива, нечто для рассказа невероятное, а для зренья удивительное. Ибо углубления в пещере служат кельями для монахов, и самый храм и усыпальница устроены в расселине скалы, и все это до такой степени накаляется лучами солнца, что огненные языки поднимаются от камней в виде пирамид. Вода же употребляемая для питья монахами такова, какой бывает в стоячем болоте, когда солнце среди лета стоит над болотом и своими огненными лучами нагревает воду до точки кипения. В этом монастыре мы видели разных освященных мужей, и между прочим одного из них знаменосного мужа и непосредственно беседующего с Богом. Лука имя этому старцу. С трудом мы вошли и вышли из монастыря по крутизне места и по чрезмерности солнечного зноя»¹².

⁶ Луг Духовный, гл. 24. Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

⁸ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 261.

⁹ Commemoratorium de casis Dei vel monasteriis. Tobler. Descriptions. P. 81. См. Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

¹⁰ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 108.

¹¹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtml>

¹² Там же.

В 1187 году монастырь был разрушен солдатами Салах ад-Дина; разоренная мусульманами обитель была восстановлена в 1234 году¹³. С X века в монастыре проживало малое количество иночествующих, и те подвергались в разные времена нападениям от полудиких бедуинов¹⁴. Лавра преп. Хозевита в XVI столетии была временно восстановлена двумя отшельниками, но вскоре опять опустела.

Но в годы святительства Иерусалимского патриарха Паисия (1646–1661) афонские монахи (вероятно, из монастыря Св. Дионисия) поселились в этом монастыре, возобновив только малый придел главной, до основания разрушенной церкви, и восстановив четыре-пять келий на южной стороне обители с помощью благочестивых паломников, имена которых написаны там на стене у жертвенника¹⁵. Об этом пишет архимандрит Порфирий (Успенский), основываясь на следующих соображениях.

В помянутом приделе изображены на стенах святые Афанасий Афонский и Леонтий Афонит же. Кто распорядился изображением их, тот особенно чтит этих угодников Божиих. А кому же больше так почитать их, как не афонцам? Посему невольно думается, что именно они изобразили их, возобновив придел и четыре-пять келий хозевитских. А так как Леонтий Афонит, по заверению Никодима Святогорца, жил и скончался в афонском монастыре св. Дионисия за 230 лет от сего заверителя, писавшего краткие жития преподобных отцов афонских в конце XVIII века (1794–1800 г.), следовательно скончался в 1565 г., и так как не вскоре же по смерти его причислен был к лику святых, то и приходится полагать, что и часть Хозевитской обители обновлена была монахами из афонского монастыря св. Дионисия и что они изобразили преподобного Леонтия спустя лет 90 по смерти его (в 1655 г.) и зная дивно-богоугодное житие его, дар пророчества и миро, истекшее от мощей его.

В 1655 г. Иерусалимским патриархом был Паисий. Ему повадно было благословить дионисиаторов на возобновление Хозевитского монастыря, потому что сам он, до патриаршества, немало время провел в окрестностях Иордана, как пустынный, как подвижник. Обновление же, о котором идет речь, произведено было иждивением паломников: Воислава, Стефанакия, Кирика, Патрикия, Люба и других, и двумя братьями каменщиками Ибрагимом и Епифанием, которые починили дверь, ведущую в монастырь. Долго ли жили тут афонцы, и когда опять разорена была обновленная ими часть обители, это неизвестно¹⁶.

Затем наступил период упадка, и лишь в середине XIX века православные подвижники вновь появились в ущелье, которое называлось теперь уже по-арабски Вади Кельт. Это были иноки-отшельники Варнава и Неофит, из монастыря Саввы Освященного. В 1859 году они обнаружили, почти случайно, древнее пещерное кладбище, а потом нашли и руины храма с древнейшими в Палестине образцами византийской живописи. В 1878 году по благословению патриарха Иерусалимского Иерофея здесь поселился игумен Калинин. Постепенно, с помощью Святогробского братства и благодаря щедрым пожертвованиям из России¹⁷, он отстроил кельи для монашествующих и «кафоликон» — соборный храм во имя Рождества Богородицы, с приделом Иоанна и Георгия Хозевитов и пещерным храмом пророка Божия Илии. Начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин

¹³ Святая Земля. Париж, 1961. С. 145.

¹⁴ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72.

¹⁵ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 110.

¹⁶ Там же. С. 110–111.

¹⁷ Хитрово В. Н. Русские паломники Святой Земли. СПб., 1905. С. 184.

(Капустин) еще успел к началу работ по восстановлению храма, чтобы увидеть древние мозаики¹⁸.

В 1901 году монастырь был полностью отстроен, реставрированы церкви, кельи монахов, и в 1952 году ко всему этому комплексу, при содействии Иерусалимского патриарха Тимофея I, была пристроена колокольня, о чем свидетельствует надпись на ней¹⁹. В 1950-х годах по отвесным скалам ущелья жили затворники; там и тут можно было видеть протоптанные по кручам тропинки, деревянные дверцы пещер под крестом и веревочные лесенки.

Монастырские храмы

Через ущелье перекинут каменный мост, через который идет дорога в обитель. У моста живописная зелень окружает заброшенную водяную мельницу. Ущелье это чрезвычайно красиво в своей дикой природе и оживляется шумом бегущей воды, проведенной в открытом канале по краю оврага из горных источников в Иерусалим. Доступ в обитель возможен только пешком — или на ослике — по краю оврага, впрочем, тропой вполне проходимой²⁰.

В монастырь можно пройти минуя двое ворот — внешние, построенные в 1909 году, и внутренние. Один из монахов назначается привратником и живет постоянно в келье около ворот. Двойные ворота сделаны не только в целях безопасности — они как бы обеспечивали своего рода таможенный контроль. Между воротами находится небольшой дворик, здесь раньше посетители ожидали приема и проходили «лекционный досмотр» (пока не выяснят, кто ты такой). Женщины дальше вторых ворот не допускались (сегодня это правило отменено), здесь же арабы, поставщики продовольствия развешивали своих ослов.

Поднявшись в монастырь, мы попадаем как бы в просторную приемную, где есть всегда вода для питья, стол и сиденья для отдыха. Южная часть этой приемной выходит на балкон, нависающий над бездонной пропастью и откуда открывается потрясающий вид. Насладившись видом, посетители могут пройти в северную часть, со стороны которой за небольшим притвором находятся церкви Св. Девы Марии и к востоку от нее — церковь Свв. Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита²¹.

Подробное описание монастырских храмов составил архимандрит Порфирий (Успенский), посетивший эту обитель в 1853 году.

Главная, большая церковь находилась на северной стороне монастыря. Вся она, кроме одной стены и уголка жертвенника, разрушена. А примыкавший к ней придел, освященный во имя Богородицы, уцелел, кроме крыши. Хорошо сохранились три продольные стены его и алтарное углубление, над которым, однако, стена проломана. У сего пролома, налево, на стене была изображена Богородица, сидящая на византийском престоле и на подушке на нем, но хорошо видны только лицо Ее и ручка, поднятая кверху, а напротив Ее было изображение архангела Гавриила, но от него осталось лишь одно крыло. Думается, что этот придел был освящен в память Благовещения архангела Пресвятой Деве Марии. В алтарном углублении заметны кое-какие остатки мозаики из стеклышков: черных, зеленых, синих, коричневых и желтоватых, а под нею, в двух квадратах, слова, в первом — Иисус Христос, *Басилевс* — царь, *Кириос* — Господь; во втором — Иисус Христос, *Ристис* — Из-

¹⁸ Лисовой Николай. Святая Земля: история и наследие. М.; СПб., 2015. С. 260.

¹⁹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtml>

²⁰ Святая Земля. Париж, 1961. С. 147.

²¹ <http://www.simvol-veri.ru/commodity/uslugi/raspis4.shtml>

бавитель, *Кириос* — Господь. Знать, тут Он изображен был в царственном величии Его. Сквозь линию проглядывает слой стариннейшей штукатурки с бывшими на ней изображениями; но и сама мозаика была покрыта таким же слоем, который мало где осыпался. Не знаю, когда она произведена была тут, до завоевания ли Палестины арабами в 637 году или в царствование Мануила Комнина (1143—1180 г.), который украсил мозаическими изображениями всю церковь в Вифлееме. В малом углублении, где был жертвенник, читаются имена греков Антипы, Стефанаки, Кирика, Патрия, Лиувии, вероятно тех, которые обновили монастырь и расписали этот придел в нем. Супротив жертвенного углубления в нише южной стены, был изображен какой-то святитель, но от образа его уцелели только кусок омофора и хартия со словами неполными: «Иже с пастырями и патриархами совселившийся».

Подле жертвенника, на пилястре северной стены, написан св. Герасим Каламонский во весь рост. Тут читается имя его по-гречески. Супротив сего преподобного, на пилястре южной стены, изображен св. Афанасий Афонский во весь рост. Далее к западу, в углублении, между двумя пилястрами, виден святой Леонтий Афонский. А супротив него, в нише, изображение святого почти все изглажено. Еще далее, на пилястре северной стены, написан праведный Иоаким, отец Богородицы, а на пилястре южной стены — св. Иоанн Хозевит. Далее налево, — Богоматерь Знаменская; а супротив ее устроена дверь, ведущая в братскую трапезу. На западной стене придела, в верхнем поясе, исторированы *умовение ног апостолам*, из которых над двумя читается слово: *ученики*, и *умовение ног Спасителя* слезами грешницы, а в нижнем поясе — Успение Богоматери.

В этой стене есть дверь, через которую монахи входили в придел. Смежно с сим приделом, во всю длину его, устроена братская трапеза. Она узка. Стены ее были расписаны. Еще и теперь видны на них лики (группы) пророков, апостолов, святых мужей, и ангел, жезлом прикасающийся (быть может, к жертве Маноя), и вот эти очертания, кажется апокалипсические: 1. фиал; 2. Вседержитель Богочеловек, свивающий 3. небо со звездами его, как обветшавшую ризу.

На северной стороне монастыря, которая выше южной части его, была какая-то галерея. Из нее перешел я еще выше в горную пещеру, где подвизался Иоанн Хозевит. Она — природная, но несколько обделана человеком. Складенная из камней стенка разделяет ее на две половины, из которых в первой со входа находятся три *привысы*, как бы скамейки для сидения. Такое устройство в ней напомнило мне нижнюю пещеру в горе Кармильской, ту, что у Средиземного моря. Здесь было прорицалище. Не было ли оно и в Хозевитской пещере? За ней высилась главная церковь; но она так разорена, что видны только основание алтаря и углубление для жертвенника²².

Все кельи, часовни и церкви обители расположены прямо на отвесной скале над глубоким ущельем. Весь комплекс монастыря построен как бы на трех уровнях: верхний — церковь-пещера Илии; средний — все главные строения, где также есть церкви Свв. Иоанна и Георгия Хозевитов и церковь Св. Девы Марии; нижний — складские помещения и древние захоронения²³. В память о том, как Иоаким и Анна вымолили себе у Бога дитя, соборный храм обители посвящен празднику Рождества Богородицы.

Соборный храм, освященный патриархом Герасимом 10 декабря 1893 года, представляет собой бесстолпную однокупольную церковь, стенные росписи и иконы в которой выполнены русскими мастерами. (Об этом свидетельствуют надписи на церковнославянском языке на сводах храма²⁴.) На северной стене видны остатки фресок, изображающих, главным образом, эпизоды из жития праведного Иоакима. У се-

²² Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 101—104.

²³ Там же.

²⁴ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

верной стены, напротив входных дверей (вход в храм сделан из притвора, с южной стороны) стоят серебряные ковчеги с мощами (честными главами) основателей обители: свв. Иоанна, Георгия и Зенона. Отсюда через притвор можно пройти в малую тесную церковку в пещере, усыпальницу преп. Георгия. Его каменную гробницу указывают справа от скромного алтаря. Это, видимо, древнейшая часть лавры, так как на полу отлично сохранилась мозаика IV—VI веков²⁵.

Ежегодно 21 января в день памяти преп. Георгия Хозевита всенощная совершается здесь всю ночь. В этом приделе помещается также братская «костница» — хранилище честных глав прежде почивших братий обители. В XX веке у монастыря появился новый святой покровитель. Одной из главных святынь стали хранящиеся здесь же, у северной стены придела, мощи преп. Иоанна Нового Хозевита (или, по этническому обозначению, Иоанна Румына)²⁶.

Над крышей храма, где высятся его голубой куполок и стройная вышка колокольни, показывают еще пещеру, обращенную в храм Св. пророка Илии. Здесь, по преданию, пророк жил, когда, при царе израильском Ахаве, ему было повелено покинуть Самарию и «скрыться у потока Хорафа, что против Иордана», и здесь его питал ворон по повелению Господню²⁷. «И пошел он, и сделал по слову Господню. И вороны приносили ему хлеб и мясо по утру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил. По прошествии некоторого времени этот поток высох, ибо не было дождя на землю» (3 Цар. 17, 2—7).

Пещерная церковь Илии пророка состоит из двух частей: удлиненный широкий коридор и за ним, в глубине, крошечная церковь — с престолом, как положено, у восточной стены. Здесь всегда царит полумрак. Но в коридоре-притворе русские паломники без труда узнают большие иконы св. Илии Пророка и преп. Серафима Саровского, молящегося на камне. Бросается в глаза, как точно изображают иконописцы обстоятельства пустынного подвига великого Фесвитянина. На иконе — та самая пещера, в которой мы находимся, внизу под нею — неумолчно шумящий Хорафский поток, у плеча пророка — ворон с принесенной пищей²⁸. Вороны и поныне кружатся над ущельем и над вершинами гор.

Монастырь преп. Георгия Хозевита в записках русских паломников

Архимандрит Порфирий (Успенский) (апрель 1853 г.): «Сегодня я и спутники мои встали мы пораньше и, напившись чаю, настоящего на воде, исцеленной пророком Елисеем, отправились к развалинам древнейшего монастыря св. Иоанна Хозевита. Так как он стоит на левой окраине Кельтской глубочайшей юдоли, а наш путь пролегал по правой окраине ее, то нам пришлось остановиться на этой окраине у своей дороги. Остановились мы тут, развьючились, и налегке с бумагой и карандашами в руках переправились пешие на ту сторону монастырскую по каменной перемычке старинного водопровода, поставленного поперек юдоли. Остановился я у входа в монастырь, увидев над ним надписи греческую и арабскую; по-русски их можно передать следующими словами: „Это — дело раба божия Ибрагима и братьев... Моисея из дома... да помилует их Бог и да помилует... кто скажет аминь“.

²⁵ Святая Земля. Париж, 1961. С. 146.

²⁶ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

²⁷ Святая Земля. Париж, 1961. С. 146.

²⁸ Лисовой Николай. Указ. соч. С. 261.

Греческая надпись с плохим правописанием, немного испорченная в конце, гласит: „Возобновлена сия дверь рукою Ибрагима и брата его Епифания из дому Эйюба (Иова!)“. Оба эти брата, как видно из надписи, были каменщиками и своими руками возобновили входную дверь, но иждивением едва ли своим. Жаль, что не показан тут год труда их. А по очертанию греческих букв нельзя наметить даже приблизительного исчисления, потому что подобные буквы одинаково начертывались в разные столетия. Могу сказать только то, что возобновление входной двери было современно обновлению монастыря, не очень давнему. Крест при греческой надписи доказывает, что Ибрагим и брат его были христиане или иерихонские, или иерусалимские. Входная дверь, единая и единственная, устроена в восточной стене монастыря. Просунувшись через нее, видишь узковатую и длинную подклеть, вывершенную коробовым сводом. Она получает свет только через дверь и потому темновата. Из нее две каменные лестницы ведут путника наверх. По той, что у самой двери, я взошел туда, взглянул направо и налево, заметил такое же расположение келий и церквей, какое видел в монастыре Герасима Иорданского»²⁹.

Виктор Каминский (1857 г.): «От пещер мы отправились к опустелой обители св. Иоанна Хозевита, находящейся в горах, смежных с горой Искушения. Перейдя дорогу, по которой ездят к Иордану, мы вскоре очутились над пропастью, едва ли не самой дикой и глубокой, какая только есть в этой части горной Иудеи. На дне этой пропасти ревел быстрый поток, стремясь между скал, чтобы соединиться с водами пророка Елисея; по краям потока растут деревья и густой камыш. В эту бездну нам надо было спуститься, перейти вброд ручей и подняться на половину высоты противоположного берега, чтобы достигнуть обители св. Иоанна Хозевита. Перекрестясь, я начал спускаться, с одним бедуином и драгоманом, — то по острым камням, то между висящими скалами, то по сыпучей крутизне, — и чем ниже мы опускались, тем жарче становилось, несмотря на то, что день был прохладный и перепал дождь. Переправясь через поток, мы покарабкались по другому скалистому берегу. Восход этот был еще труднее, нежели спуск, но мы благополучно его совершили, и достигли стен горного иноческого гнезда, которое могло свить только крайнее усилие, множество рук и продолжительное время.

Прежде всего мы вошли в бывшую усыпальницу братии. Она состоит из двух подвалов, сделанных в одной скале. Своды подвалов испещрены красными крестами, а пол разделен на четверугольные глубокие могилы, хранящие останки почивших здесь до радостного дня. В обоих подвалах слышалось благоухание, подобное меду, но не было видно ни пчел, ни гнезд пчелиных, и бедуин говорил, что никогда не видал здесь этих насекомых, зная место издавна. Поклонившись остаткам великих подвижников, мы пошли в главный корпус обители, который, снаружи, почти сохранился в целости, по несокрушимости природных твердынь, из которых он наиболее образован. Здание чрезвычайно сложное: много покоев на разных высотах, несколько малых церквей и один большой двухпрестольный храм. Все стены этого последнего украшены изображениями святых и происшествий из Священной Истории, а все алтарные изображения — мозаичные; те и другие много пострадали от времени, или от людей, и часть восточной стены большого храма выломана. Несмотря на безлюдие, на крайнее запустение и дикость места, душа располагалась к молитве, когда я ходил по этим храминам, и много рождалось дум о чудных делах древних подвижников. Помолвившись сколько было возможно, я возвратился тем же путем на гору, употребив на это странствие три часа времени»³⁰.

²⁹ Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 97—99.

³⁰ Каминский Виктор. Воспоминания поклонника Святого Гроба. СПб., 1859. С. 515—517.

А. С. Норов (1861 г.): «Скоро мы достигли вершины горного хребта и приблизились к окраине обрывистой пропасти. На противоположной стороне пропасти устроен монастырь Хозива. Рассказу о нем трудно поверить; но, взглянув на это место, нельзя не быть поражену удивлением. Там, в глубинах пещер, иссеченных в скалах, вы увидите и кельи, и церковь, и кладбище монахов. Эти скалы раскаляются от палящего солнца до такой степени, что от них отражаются огненные пирамидальные лучи <...> По преданию, здесь постился св. Иоаким для прекращения своего бесплодия. Здесь впоследствии основана была лавра св. Иоанном Хозевитом. Поток, протекающий в этой пропасти, выходит в пустыню Иерихонскую, на расстоянии получаса от горы Сорокадневной, через вадю ел-Каль, которая при своем начале соединяется с вадью Фара и вадью Тувар»³¹.

В. Н. Хитрово (1870-е гг.): «Перебрались мы вброд на левую сторону потока и пошли на восток. Как мы тут пробирались, одному Господу Богу известно: то цепляясь за камни, то пробираясь лежа, то идя в воде, то подымаясь на кручу, то спускаясь с нее. Пот лил с нас градом, когда мы наконец часа через три добрались до Лавры святого Иоанна Хозевита. Опять полезли мы на кручу и с середины ее, через небольшое отверстие в наружной стене, вошли в Лавру и попали прежде всего в две рядом расположенные усыпальницы, высеченные в скале; на полу лежат открытые четырехугольные могилы, и в них еще находятся несколько человеческих костей; по стенам в некоторых местах изображены красные кресты.

Помолившись святым угодникам, некогда здесь почившим, поднялись мы из этой пещеры выше, в двухпрестольный храм, от которого сохранились лишь одни стены и на них кое-где изображения святых. Кругом церкви еще много развалин и пещер. Здесь мы отдохнули и закусили взятым с собою, опять спустились к потоку и по малой стежке вдоль его пошли все-таки на восток; через полчаса на той же стороне потока увидели опять развалившееся здание и пещеры, это, как нам сказывал отец Паисий, был скит в. Григория Хозевита»³².

Архимандрит Павел (1881 г.): «Эта древняя святая обитель, бывшая в запустении, стала возобновляться. Теперь в ней около десяти человек братии. Мы помолились в обители, и потом повели нас в недавно обретенную монастырскую усыпальницу. Она недалече от церкви, как четверть версты, на этой же стороне оврага, на которой и церковь. В скалах выбита просторная пещера; в ней выдолблены подобно сусекам (закромам), какие крестьяне делают в своих клетях, отдельные помещения для мелких и крупных человеческих костей, а кругом всей усыпальницы в природной скале вытесаны вроде лавок полки в несколько рядов, и на этих полках лежат головы усопших отцов в ряд и в два. Я начал было считать головы и от множества устал, оставил счет. Мы пели зауспокойные тропари, и я прочитал молитву: „Боже духов“... и сказал „вечную память“»³³.

А. В. Елисеев (1884 г.): «Обитель св. Иоанна Хозевита прячется в диком ущелье, в одной из самых поразительных по своему дикому величию местностей Палестины. Сюда богомольцы прибывают постепенно, но к вечеру собираются все и кое-как размещаются в обители, кто в кельях, кто на дворе, но все за монастырской оградой. Прием здесь богомольцы встречают самый ласковый; кипяток готов к услугам гостей в продолжение всей ночи, а бедных монахи угощают даже от себя чаем, сахаром и сухарями. Дикая романтическая прелесть расположения обители, только что пережитое и перечувствованное на Иордане, ласковая встреча со стороны монахов,

³¹ Норов А. С. Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия на Восток. СПб., 1878. С. 32.

³² Хитрово В. Н. К животворящему Гробу Господню. М., 2003. С. 147.

³³ Цит. по: Порфирий (Успенский), епископ. Книга бытия моего. Т. 5. СПб., 1899. С. 112.

их бедность и куча костей и голов замученных иноков, хранящихся в монастыре, — все это чрезвычайно умиляет душу паломника, и он чрезвычайно доволен монастырем.

Редкий паломник не отзовется восторженно о Хозевитской обители, редкий не пожертвует даже более, чем располагал ранее. Я видел одного мещанина, который даже хотел бы навеки остаться в этой тихой обители, так она ему нравилась; жертвование сюда иконостаса стало его *idée fixe*, о которой он только и мечтал на обратном пути. С вечера в монастыре служитя вечерня, потом утренняя и еще до свету обедня. После литургии в братской трапезе угощают паломников чаем и хлебом, после чего часов в 6—7 утра начинается путешествие каравана в Иерусалим»³⁴.

Евгений Марков (1885 г.): «Высоко над kloкочущим потоком вдруг забелелся разом, на той стороне ущелья, и словно заиграл своими часовенками, балкончиками, окошечками висящий в воздухе монастырь Гозувиты... Он прилеплен, как гнездо ласточки, к отвесному обрыву скалы; он проточил в толщах горы, будто муравей — свои подземные ходы, черные дверочки и окошечки своих тайных убежищ. Утлые лесенки и галерейки подвешены снаружи, будто нити паука, к этим жалким норкам червоточины, пробуравившей могучую грудь скалы, и при реве сердитого потока, кажется, дрожат и качаются, тоже как паутина... Висящий над бездной маленький монастырек кажется какой-то живописной игрушкой, легкомысленно прилепленной к груди черной громады рукой наивного ребенка... Монастырь-игрушка спрятан, будто с умыслом, в последнем и самом поразительном амфитеатре скал, словно вся романтическая декорация дикого ущелья, которая до сих пор развевалась перед нами, — постепенно подготовляла нас к созерцанию его оригинальной красоты...

Мы перешли через дрожащий мост, перекинутый над бурным потоком у подножия водопада, и стали карабкаться на ту сторону по вырубленным в скале ступеням, по осыпям горы, по отвесным деревянным лесенкам, по каким лазают только на колокольни да в трюмы кораблей... Арабы наши потащили лошадей без всяких лестниц по таким откосам скалы, что я инстинктивно отвернул от них голову, начинавшую кружиться от одного воображения... Игумен Калинин встретил нас в простоте истинного монаха. Он был одет бедно, так что сразу трудно было признать в нем хозяина обители... На нем был старенький нанковый подрясник, а в руках — кривой нож, которым он только что вырезывал кипарисовую ложку. Но зато в этой смиренной фигуре работающего инока было столько спокойной приветливости, выражающейся в ласковом взгляде глаз, в тихой доброй улыбке, что мы как-то сразу прониклись невольной симпатией к встретившему нас милому старцу.

Пока один из братии, испачканный в известь и песок, среди которых он возился, готовил нам неизбежный русский самоварчик, завоевавший себе право гражданства даже в этих недоступных уголках Палестины — и нигде так, как здесь, не радующий сердца русского странника — игумен повел нас осмотреть скудные остатки своих древних святынь, только что начинающих возрождаться из праха...

В настоящую минуту монастыря почти нет еще. Прежняя площадка, вырубленная в отвесной стене скалы, почти вся занята низенькими жилищами горсти монахов и работников. Этот дворик, прикрытый сверху от солнца циновками и парусиной, обставленный кухоньками и кельями, вдвинут наполовину в толщу скалы и представляет из себя маленький рабочий улей... Беленькая комнатка игумена одна выступает вровень с лицом скалы, так что балкончик ее висит уже над бездной, и два окошечка глядят прямо в нее. Кругом дворика — хаос какой-то неубранной каменоломни. Вырубаются новые впадины в скале, раскапываются кучи накопившегося веками каменного мусора, пробиваются ходы сквозь скалу в спрятанные в ней старые пещеры, иссекаются ступени и лестницы вверх, на темя скалы. Работы — бесконечное

³⁴ Елисеев А. В. С русскими паломниками на Святой Земле весной 1884 года. СПб., 1885. С. 247.

множество, и так мало рук, и еще меньше средств! Монастырек кажется задавленным, засыпанным этими глыбами известняка, среди которых он неустанно работает, сиюсь вырваться из-под них и одолеть их каким-нибудь стройным порядком...

В древности тут был главный центр знаменитой лавры св. Евфимия, потому что на каждом шагу встречаются при раскопках следы многолюдного и богатого монастыря; прямо на сердце скалы видны еще в нескольких местах остатки штукатурки с фресками и щели, в которые вставлялись концы толстых балок. Очевидно, площадка была прежде гораздо шире, но потом, в течение веков, скала откололась и осыпалась, оторвав за собой в пропасть и утвержденные в ней постройки монастыря... Оттого-то оштукатуренные и гладко высеченные стены скалы, когда-то бывшие задними стенами прилежавшего к скале храма, теперь уже висят над обрывом ущелья. Из всего, некогда славного монастыря, сколько-нибудь уцелела только одна древняя церковь, вдвинутая довольно глубоко в толщу скалы, под навесом ее сводов...

По характеру постройки эта церковь — времен Юстиниана. Когда-то она была богато украшена, потому что на скале пола, давно обнаженной от одевавших ее прежде мраморов, заметны еще остатки дорогой мозаики... А на скале задней стены явственно видны яркие фрески с крупными фигурами святых... Свод храма совсем провалился, и жаркое солнце полдня свободно светит сверху в его разоренную внутренность... Монахи прикрыли пролом свода тростником и старенькой парусиной, чтобы, по крайней мере, оберечь от дождя и зноя свой маленький бедный алтарь. Там стоит посредине нищенски убранный престол, отделенный от остальной церкви полинялой занавеской... Но царских дверей — и помина не осталось... Впрочем, и самые стены пробиты во многих местах отверстиями и трещинами, как крепость после бомбардировки.

Эта церковка — пока единственный здесь храм для молитвы. По преданиям монастыря, церковь эта была устроена в пещере, где, еще до пришествия Христа, сорок лет спасался и молился Иоаким, отец Пресвятой Девы. Церковь до их пор посвящена Богоотцам Иоакиму и Анне, и их изображения угадывают в уцелевших фресках <...>

На месте бокового придела церкви св. Иоакима воздвигается теперь, по распоряжению патриарха Никодима, новый храм. В этом приделе тоже видны обрывки мозаики и фресок на полу и стенах, а при разрытии фундамента его откопали даже гроб с хорошо сохранившимся телом. Предполагают что это тело Георгия, бывшего игумена Гозувитского монастыря. Гозувитский монастырь устроен был на развалинах лавры Евфимия Великого Иоанном, архиепископом Гозувитским. Мы посетили его церковь в пещере, гораздо выше теперешнего монастыря. Множество келий, частью доступных, частью обрушенных или с заваленными входами, наполняют гору в этих верхних ярусах ее... Наверху же добывается и камень для постройки новой церкви, который приходится с большими усилиями и с большой потерей времени перетаскивать вниз по отвесным обрывам...

Вообще, в прежнее время не только внутренность горы, но и ее плоская макушка были, очевидно, заняты монастырскими поселениями. Везде еще видны следы лестниц и построек. На самом темени горы уцелела громадная древняя цистерна, снабжавшая водой нижний монастырь через особые, скрытые в скале, стоки. На днях удалось откопать из-под груды мусора, наравне с крышей Иоакимовой церкви, три совсем сохранившихся колодца, в которые проводили воду эти стоки.

Сколько нужно было положить поистине египетского труда, чтобы создать среди отвесных скал все эти капитальные сооружения древности! Но такой же, кажется, труд потребен и теперь для восстановления хотя некоторого подобия старого монастырского устройства. Работы, однако, начаты смело: выдалбливаются и строятся новые кельи, галереи, лестницы для сообщений, расчищается площадка, соору-

жается храм. Патриарх Никодим, энергический восстановитель древнего Православия в Палестине, не жалеет для этого ни денег, ни трудов. Он приезжал верхом в Гозувиту, спускался пешком в ее провалы, карабкался по ее лесенкам и сделал необходимые распоряжения. Он постоянно снабжает Гозувиту мукой, бобами и всякими съестными припасами, без которых здешняя монашеская колония давно погибла бы с голоду. Он присылает сюда рабочих, материалы, деньги. Наш предприимчивый начальник палестинской миссии, архимандрит Антонин, тоже недавно посетил Гозувиту; он привозил с собой фотографа, который — вероятно, в первый раз за все время существования монастыря — снял его поразительные виды.

<...> Самая характерная и любопытная святыня Гозувиты — ее древняя усыпальница. Из монастыря нужно подняться немного направо по карнизу скалы, и вы увидите в стене этой скалы маленькую, окованную железом дверочку, всегда запертую на замок. Игумен отворил ее, и мы вошли с ним в довольно просторную темную пещеру с низкими сводами, на которых еще сохранилась расписанная фресками старинная штукатурка... Четырехугольная могила, в виде колодца, ископана посреди этой пещеры, вся наполненная, как погреб овощами, — высохшими кистями рук и ног... Узкие рвы, могилы, идут кругом этой центральной ямы, тоже наполненные человеческими костями и тлеющими остатками иноческих одежд. За ними, у подножия стен, разложены сплошной цепью, опоясывающей всю пещеру, будто отобранные впрок арбузы, — сотни желтеющих и белеющих черепов... На облупленной черной штукатурке стен, среди изможденных фигур подвижников с впалыми глазами, с бородами по колено, — множество арабских и греческих надписей, крестов, выведенных, Бог знает когда, неискusной рукой иноков, хотящих помянуть своих, сошедших в могилу, братьев. Простолюдины-богомольцы, посещающие Гозувиту, непременно приходят поклониться останкам этих бесчисленных неведомых отшельников, сложивших здесь свои кости, зажигают лампадки перед иконами, прилепляют к старым стенам свои гршовые свечки и поют панихиды по усопшим...

Усыпальниц таких — не одна, а несколько. В некоторые уже пройти нельзя, потому что всякие следы тропинок осыпались, ходы завалились; но в некоторые еще ходят... Почти все они соединялись когда-то друг с другом подземными переходами, и до сих пор из главной усыпальницы можно пробраться в целый лабиринт пещер. Но монахи нарочно заложили ходы в далекие пещеры, чтобы через них не забирались в монастырь лихие люди и хищные звери, любящие прятаться в прохладной безопасности этих подземных логовищ.

— А что, живет там кто-нибудь теперь, отец игумен? — Находятся охотники?

— Как вам сказать, не слышать что-то, отвечал в раздумье игумен. — Прежней любви к пустынножительству уже нет теперь в иноках... Случается, поселится кто-нибудь в какой-нибудь дальней пещерке... из чужестранных больше... Пойдет слух... Смотришь, месяца через 2, 3 — и опять нет никого. Не живут что-то долго, не одолевают истинного отшельничества. Вот ваша землячка только, мать Марина, так та года три тут около нас спасалась недалеко, версты две вниз, не больше... Да смелая! Мы такой и не видали никогда! — улыбнулся игумен. — Немало ей все удивлялись. Она к нам каждый праздник к обедне приходила. Другой араб здешний побоится на кручу лезть, куда она каждый день лазала. Ей — нипочем. Приправила себе лесенку веревочную, поднимется по ней, ровно паук по паутине, в свою пещерку, и спустится куда нужно... а на ночь лесенку втянет к себе наверх, запретя на задвижку, вот ее и не достанет никто, ни сверху, ни снизу, потому что дорог к ней никаких, как гнездо птичье — над пропастью висит... Ну, и молится себе покойно, знать ничего не знает, в своей пещерке, как в крепости какой...

— Отчего же это она ушла от вас? — Мы видели Марину в Иерусалиме, она теперь в Силоаме живет, в гробницах Соломоновых... Она жаловалась, что ее выгнали отсюда.

Игумен не переставал улыбаться, покачивая головой.

— Знаю, знаю, сказал он тихо. — Женщина смелая, везде свое возьмет... Только мы ее не гнали отсюда... нам что! Живи себе, где угодно... Ущелье божие, а не наше. Патриарху не захотелось. Патриарх говорит: „не подобает женскому полу близко скита иноческого проживать“... вот и выдворили ее отсюда...»

«Мы здесь поминутно видим примеры самой курьезной смелости наших соотечественников, — писал архимандрит Антонин (Капустин) в январе 1876 года. — Уже есть месяцев 6 или 8, как одна поклонница наша поселилась в неисходимых дебрях пустыни Иорданской. Заговорили даже, что она, по подобию св. Марии Египетской, начала было ходить там без одежды. Вчера мне сказали, что уже другие две соотечественницы последовали примеру первой. Впрочем, болезнь выгнала первую (Марину — по имени) в город в патриаршую больницу, а оттуда консул наш переселил ее сегодня на наши постройки. Что она улизнет опять в пустыню, это почти несомненно. Смелости у нас хватает на многое. Такая неустрашимая скиталица не побоялась бы поселиться не только у Перивлепта, но и в самой Св. Софии...»³⁵ (Архимандрит Антонин говорит о русской отшельнице Марине, подвизавшейся в 1870—1880-х годах в Иудейской пустыне (Вади-Кельт), в Заиорданье, а с 1885 года поселившейся в так называемой Могиле дочери фараона, принадлежавшей Русской Духовной Миссии. В 1890-х годах она жила на территории русского Вознесенского монастыря на Елеоне).

«Мы стали осторожно спускаться к монастырю. Но, прежде чем поднялись на его лестнички, игумен вдруг остановился и сказал, указывая на тот берег ущелья:

— Вот вы ехали там, а, наверное, не заметили. Видите, арки каменные видны между скал, сложены-то как отлично! нашим теперешним мастерам никогда так не сложить!., тут ведь водопровод древний шел, еще от времен Ирода нечестивого... Весь Иерихон водой полон из нашего ущелья. Потому что против нашей воды во всей Палестине не найдешь...

Мы действительно рассмотрели между утесами противоположного обрыва уцелевшие остатки смелых арок из тесаных камней, белевшиеся в разных местах. Это дикое ущелье, очевидно, все насквозь пропитано историей...

Игумен Калинин свободно объясняется по-русски; он научился ему у богомольцев во время долгого пребывания своего монахом св. Гроба и теперь даже отлично пишет по-русски целые трогательные воззвания, образчик которого получили, конечно, и мы, для распространения среди своих земляков, по возвращении на родину...

— Сюда много ходит русских, но только все простые; рассказывал нам Калинин — господ вовсе не бывает; больше присылают из России письмами, по адресу, благодетели разные. Только и живи русскими. Греки редко здесь бывают. Да и бывать тут трудно, не всякий решается, дороги еще плохи, и от разбойников только недавно стало свободно. Двадцать лет тому назад никто не смел показаться в эти места, ни одного монаха тут не было. А теперь один ночью случается, идешь, ничего... Арабы, впрочем, боятся ночи, никогда ночью не грабят, все днем. Из-за Иордана бедуины больше разбойничают. Там в старину, при Константине-царе, все бедуины христиане были, и за Мертвым морем, и везде кругом. Даже теперь там, в горах, много развалин монастырей древних и церквей, а христиан уже почти нет. Туда опасно

³⁵ Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым 1865—1893. М., 2014. С. 275.

ходить, везде разбойники кочуют. А страна богатая, вся пшеница за горами; как навалится у них на горы снег, бедуины и спускаются сюда.

Прибыли новые рабочие-каменотесы, присланные патриархом, и игумен должен был покинуть нас сейчас же после нашей походной трапезы, чтобы заняться работами...

<...> Игумен уже с 12-ти часов ночи был на ногах. Здесь еще исполняются во всей буквальности строгие правила древнего монастырского чина, и утренняя служится сейчас после полуночи. Мы давно слышали сквозь сон унылые, медленно растекавшиеся по глухому ущелью, удары маленького церковного колокола, досадные как утренний звонок надзирателя для разоспавшегося школяра.

Самовар тоже раздували для нас давно, набив его, вместо угля, ветками кустарника; но он только чадил и ни за что не хотел закипать в такой неурочный ранний час, когда монахи еще молились Богу... Мы ограничились беглым глотком арабского кофе, всегда готового в одну минуту и всегда живительного и бодрящего. Игумен вышел нас проводить и поднес нам на память о своем монастыре деревянные ложки с надписью, вырезанные из пальмы его собственными труженическими руками. Сердечно распростились мы с добрым стариком и, не садясь на коней, пешком спустились к мостику. Ущелье еще было полно ночного тумана и тьмы, и не особенно было приятно мерить в такую минуту не совсем твердо, полусонной ногой его головомные тропинки и крутизны.

Но когда мы были наверху ущелья, уже сидя на ослах, и оглянулись на далекое ласточкино гнездо Гозувитского монастыря, вдруг засверкавшее своими белыми стенами глубоко на дне пропасти, при первых лучах зари, то даже арабы наши невольно остановились, чтобы полюбоваться в последний раз этой, ни с чем несравнимой, картиной...»³⁶

Е. Э. Картавцов (1889 г.): «Мы сошли с лошадей, оставили их провожатым и пешком сходили в сторону, в ущелье, где расположен монастырь Георгия Хозевита. Монастырь еще только обстраивается; но это самое приятное из виденных нами в Палестине мест. В ущельи бежит поток, спускаясь небольшими водопадами все ниже и ниже; монахи воспользовались этим; во многих местах они перепрудили его камнями и провели воду оросительными канавами всюду, где только попадает на склоне горы малейшая площадка; орошенные пространства производят богатую и разнообразную тропическую растительность; среди голых скал расстилаются изумрудно-зеленые полосы, легкие мосты висят там и сям над потоком; отовсюду серебрятся и журчат веселые водяные струйки! Немного пройдет лет, и монастырь Георгия Хозевита приобретет, наверное, славу райского угла среди отталкивающей дичи Иудейских гор»³⁷.

М. П. Соловьев (1891 г.): «Мы проезжаем мимо прилепившейся к утесу, как ласточкино гнездо, обители преп. Иоанна Хозевита, недавно возобновленной после тысячелетнего запустения. Большая часть помещений выдолблена в недрах скалы. К монастырю ведет снизу извилистая тропинка, доступная только для пешеходов. Самый монастырь не представляет других достопримечательностей, кроме своих иноков, обрекших себя на жизнь среди самых тяжелых условий. Мы проезжаем посреди страны, бывшей свидетельницей непостижимых в наше время тяжких иноческих подвигов <...> На какой-нибудь сотне квадратных верст в горной пустыне Иудейской было до 27 больших и малых монастырей и множество одиночных пустынников в отдельных пещерах. Тысячи монахов населяли пустыню вплоть до монастырей Елеонской горы, Кедронской и Гинномовой долины. Идеалом подвижника было полное безмолвное уединение, но к знаменитому старцу собирались подражатели и ученики

³⁶ Марков Евгений. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 267–279.

³⁷ Картавцов Е. Э. По Египту и Палестине. СПб., 1892. С. 208.

и возникала группа, жившая вместе в отдельных пещерах или хижинах, подчинившаяся его управлению, — лавра. Для неопытных в иноческой жизни заводились кинувии, — жилища, обнесенные общей стеной с церковью, в которую сходились по субботам окрестные аскеты, чтобы, причастившись Св. Таин, на рассвете в воскресенье расстаться снова на целую неделю»³⁸.

Протоиерей Владимир Гуляев (1892 г.): «От горы Сობлазна я пошел к монастырю св. Георгия Хозевита, устроенному на месте явления Ангела Богоотцу Иоакиму. Тяжел был этот путь, долго он будет для меня памятен. Часа полтора, не меньше, мы шли между горами, по склону, дорога узкая, тропинка в аршин ширины не больше, над дорогой высокие скалы, часто отвесом, внизу пропасть; местами она лестницей, громадными и неправильными ступенями, то поднималась, то опускалась, так что приходилось часто не идти, а ползти на четвереньках. Жутко было проходить этим путем, но, слава Богу, все это пережилось; усталые, измокшие от пота до последней нитки, часов в 11 ночи добрались мы наконец до монастыря.

Монастырь этот — верх труда и подвижничества: площадь монастыря вырублена посредине скалы, вверх — скала отвесом, вниз — пропасть. Стены облицованы камнем, обыкновенной в Иерусалиме кладкой. В монастыре две церкви; над одной из них устроены из камня купол и колокольня, а над ними полукругом висит скала. В монастыре вместе с игуменом девять человек братии. Есть две комнаты патриаршие, и для помещения нас — 11-ти пришельцев, нашлось две комнаты. По рассказу игумена Калинника, монастырь основан 1300 тому назад; 700 лет тому назад он был разграблен и заброшен, а ныне с благословения патриарха Никодима на жертвы добрых людей, он снова устраивается. Радужно приняла нас братия; мы пили чай и ужинали. Хорош в особенности был арбуз из монастырского сада. Такого сладкого и сочного арбуза мне никогда есть не приходилось. Подкрепившись и отдохнув до 3-х часов утра, мы выехали из монастыря, на хорошую дорогу, и без всяких приключений в девять часов утра прибыли в Иерусалим»³⁹.

Архимандрит Мефодий (1892 г.): «От горы Искушения мы по невозможным тропинкам и карнизам отвесных скал пробирались в страшное «ущелье Хозева», из подземных тайников которого прорывается через пороги и утесы стремительными водопадами поток Хозева, отвесные же стены ущелья изрыты пещерами некогда процветавших здесь отшельнических обителей. В самом глухом углу этого ущелья, высоко над бездной клокочущего потока, висит, как гнездо ласточки, на отвесном обрыве монастырь святого Иоанна (Георгия. — *Авт.*) Хозевита, состоящий тоже из пещер, окаймленных церковью, часовенками, балкончиками, лесенками. В монастырь этот мы прибыли уже в послеобеденное время — истомленными, едва-едва передвигаясь; здесь были встречены трезвоном. Ласковый прием смиренного игумена и настоятеля монастыря скоро нас ободрил; мы были здесь вполне успокоены и остались на ночлег.

Тут мы служили сперва молебен в церкви, а потом панихиду в пещере, в которой сложены в ряды тысячи черепов, по всем направлениям; в середине (где кости), служили панихиду по всем покоящимся там и убиенным при нашествии Хозроя, царя персидского. Вечером, при восходе луны, открылась еще живописнее картина среди скалистых и неприступных гор и пропастей. На террасу вышли певчие из паломников и долго пели псалмы, составленные на прощание с Иерусалимом и Афоном: дивная восточная ночь, живописная местность, стройное пение, невольно все это вызывало слезы умиления, и мы долго наслаждались неземными радостями⁴⁰.

³⁸ Соловьев М. П. По Святой Земле (1891 г.). СПб., 1897. С. 258—260.

³⁹ Гуляев Владимир, прот. В Иерусалим и на Афон. СПб., 1892. С. 46.

⁴⁰ Мефодий, архим. Дневник палестинского паломника. СПб., 1893. С. 24—25.

Протоиерей Павел Бобров (начало 1890-х гг.): «Вечер настал приятный, но скоро стал претемный — за два шага не видели друг друга. В этой-то темноте, часов в 10 вечера, начали спускаться по тропе, сделанной в каменной горе слева — горы стеной над нами, справа — пропасть. Кавас впереди пеший только голосит: левой, держитесь левее! Мы, конечно, также пешие, за ним — один за другим, за нами арабы с ослами. Оклик и говор далеко раздаются где-то. Сходили медленно. Вот и огоньки замелькали, и лай собаки слышен, а ничего не видно; только слышен был где-то водопад. Спустились в такую глубину, что и огоньков не стало видно. Затем начали подниматься и пришли в обитель. *Это и есть Хозевит.* — Иноки-греки и арабы, доставили нам покой с обычным радушием по-братски. Во всех таких обителях непременно есть говорящий по-русски.

Рано утром воспели мы здесь славу и благодаренье Богу и опять отправились на свою дорогу в гору. Теперь могли мы видеть, в каком глубочайшем овраге находится эта святая обитель. По обе стороны его превысокие отвесные стремнины, внизу по оврагу шумит поток, где прекрасная природа, а выше — в скалах — кельи, где в храме пение, вероятно, сливается с ревом потока. После отдыха приятная утренняя прохлада, необыкновенно величественный вид необыкновенной местности, давно неслыханные голоса певчих птиц в зелени, — все это совсем оживило нас.

Местность точно такая, какую описал богодухновенный царь, прославляя Творца мира: «Благослови душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело!.. посылай источники в дебрях, посреди гор пройдут воды... «на тех птицы небесные привитают, от среды камня дадут глас» (Пс. 103). Такая природа, в окрестностях Иерусалима, только вероятно и сохранились в своем виде в дебрях Хозевита»⁴¹.

Арсений (Изотов), епископ Сухумский (1894 г.): «Встречаем по правую сторону глубочайшую пропасть, по которой вьется тропинка, ведущая в обитель св. Иоанна Хозевита, которая скрывается здесь в диком ущелье, окруженном высокими горами и стремнинами. С дороги видны в обрывах над пропастью пещеры, служившие местом подвигов многочисленных отшельников бывшей здесь лавры св. Иоанна Хозевита; впрочем, и теперь, хотя редко, живут в них пустычники. Когда заходят русские поклонники в эту пустынную обитель на обратном пути с Иордана, то встречают здесь радушный приют»⁴².

Петр А-истов (начало 1890-х гг.): «Наша кавалькада остановилась у горы Хозевита. Здесь, в небольшом ущелье, мы сошли с лошадей и пешком отправились к монастырю Георгия Хозевита. Прекрасная и интересная местность с дивными видами на горы предстала перед нашими глазами. Тропинка, ведущая к монастырю, идет сначала по косогору, а затем, поворотив влево, по берегу реки. Горы и берега реки поражали своей картинностью. Мы шли, восхищаясь видом и благодаря в душе монахов, проложивших этот путь. На протяжении всего пути сложен забор — обочина из сборного камня. Вдали начал виднеться монастырь, приютившийся на отвесной горе и своей оригинальностью поражающий взор.

Дальше нам пришлось переходить через мост на речке Хозевита. Красно-ржавая железистая вода реки сильно и быстро бежит по камням и шум ее раздается в тиши высоких гор. Здесь нас заинтересовало, как монахи с высоты монастыря спускали на проволочном канате ведро, черпали им воду и затем поднимали вверх. Далее за мостом, дорога, изгибаясь, шла на крутизну. Мы пошли несколько тише. Монахи, увидав нас, приветствовали, как паломников, колокольным звоном. В обители нас

⁴¹ Бобров Павел, прот. Письма паломника о святой горе Афонской, о граде Иерусалиме и других местах Востока. М., 1894. С. 78—79.

⁴² Арсений (Изотов), епископ Сухумский. Святой град Иерусалим и другие святые места Палестины. СПб., 1896. С. 190.

монахи радушно встретили и повели осматривать их монастырь. Сначала показали нам два храма с их святынями, драгоценностями и всем, что только было в них примечательного. Затем мы стали ходить по пещерам, где нашли массу костей и черепов. На наши вопросы хозевиты объяснили, что это кости монахов, когда-либо живших в этих пещерах или служивших в монастыре. Оказалось, что, по уставу монастыря, кости монаха, через три года после его смерти, вырывались из земли и переносились в пещеры. На каждом черепе, как сказал монах, было написано имя и духовный сан покойного.

Окончив осмотр, мы снова вернулись в обитель. Позавтракав в монастырской столовой, мы распрощались с монахами и, в сопровождении настоятеля, начали спускаться с горы. За мостом он пригласил нас осмотреть его фруктовый сад. Сад этот, действительно, был великолепен. Повсюду виден был образцовый порядок. Немало заинтересовало нас искусственное орошение растений. Это искусственное орошение устроено по всему саду. По цементным желобкам, проложенным в несколько наклонном положении, вода течет из резервуара. Достигнув по одному желобу назначенного места, вода через открытый проход направляется по другому желобу, орошая по дороге то виноград, то пальму, то цветы. Погуляв достаточно по саду, мы стали прощаться с настоятелем и благодарить его за радушный прием»⁴³.

Епископ Арсений (Стадницкий) (1900 г.): «Недалеко от Иерихона мы остановились, чтобы посмотреть на виднеющийся в горах монастырь св. Георгия Хозевита, приуроченный к тому месту, где, по преданию, скрывался пророк Илия от злочестивой Иезавели. Устроенный в V в., он впоследствии вместе с другими палестинскими обителями пришел в полное запустение; возобновлен лет 20 тому назад православными монахами на пожертвования преимущественно **русских паломников**. Эта обитель чрезвычайно живописна: уютится, подобно гнезду ласточки, в ущелье обрыва скалы, так что подняться к ней довольно трудно»⁴⁴.

Архимандрит Евгений (1900-е гг.): «Среди гор виднеется глубокое ущелье ел-Кельт, где, по преданию, жил пророк Илия, избегая гнева жестокой Иезавели. На дне его находится Хозевитский монастырь, основанный Георгием Хозевитом. Путь в эту обитель крайне труден и опасен; только пешком можно пробраться в нее, так как лишь узенькая тропинка, идущая к ней, извивается по ребрам гор над глубокими оврагами»⁴⁵.

Николай Брянчанинов (1906 г.): «После получасовой медленной езды мы вошли в суровое ущелье, в глубине которого бежал горный поток. По левую руку от нас над дорогой нависали темные камни и скала, а направо, далеко по ту сторону громадной расщелины, высилась громадная совершенно голая и совершенно черная стена. В одном месте наиболее суровом и, казалось, наименее приступном, виднелась какая-то белая точка. Я взял бинокль и увидел тогда, что точка эта была церковью, окруженной несколькими другими постройками, прицепившимися к почти отвесной скале, точно ястребиное гнездо. То был греческий монастырь св. Георгия. Маленькая тропинка, подобная белой нитке, то и дело терявшаяся среди камней и других неровностей почвы, вела к нему из глубины сурового ущелья. Теперь мы уже далеко от Иерусалима. Вокруг нас стали проноситься порывы горячего воздуха; небо очищалось и солнце входило в свои права. Наконец ущелье, по которому мы шли, расширилось и в конце его показалась зияющая пропасть»⁴⁶.

⁴³ А-истов Петр. Путешествие в Палестину. СПб., 1894. С. 125–126.

⁴⁴ Арсений (Стадницкий), епископ. В стране священных воспоминаний. М.;СПб., 2014. С. 246.

⁴⁵ Евгений, архим. Мое бытие. Воспоминания. СПб., 1911. С. 258.

⁴⁶ Брянчанинов Николай. Скитания. По Заиорданью. М., 1908. С. 122.

Иеромонах Серафим (1908 г.): «Мы, оставив своих коней на большой дороге, пошли по узкой тропинке к монастырю Хозевитскому. Как только увидели нас идущих, на монастырской колокольне вдруг зазвонили, встречая нас с колокольным звоном. Как приятно и отрадно было услышать тот чудный монотонный звон среди скалистой горной пустыни. На душе что-то было радостное, и восторженное чувство души переполнялось радостью о милости Божией, оказанной нам грешным. Когда перешли мы мост через овраг, по которому проходит водный поток, нас радушно встретил настоятель о. Калинник и показал все достопримечательности монастыря.

<...> Когда мы поклонились святыням и осмотрели обитель, нас угостили русским аем, который мы пили с чудным аппетитом, так как истомились от знойного жара жаждой. Потом мы посетили усыпальницу, в которой почивают кости многих отшельников и подвижников. Поблагодарив за радушный прием доброго старца настоятеля, мы оставили обитель и опять по узким тропинкам поплелись к своим ожидавшим нас лошадям, на которых благополучно к вечеру прибыли в Иерусалим»⁴⁷.

Путеводитель по святым местам града Иерусалима (1908 г.): «К обители св. Иоанна Хозевита паломник пробирается по невозможным узким горным тропинкам, карнизам отвесных скал и спускается в глухое ущелье, из подземных тайников которого прорывается через пороги и утесы стремительными водопадами поток Хозева, а отвесные стены этого ущелья изрыты пещерами некогда процветавших здесь отшельнических обителей. В самом глухом углу этого ущелья, высоко над бездной клокочущего потока висит, как гнездо ласточки, на отвесном горном обрыве монастырь св. Иоанна Хозевита, состоящий тоже из пещер, обставленных часовенками, балкончиками, лесенками. В бывшей некогда многолюдной лавре Иоанна Хозевита видны две расположенные рядом усыпальницы, иссеченные в скале; на полу лежат открытые могилы и в них еще и ныне видно несколько человеческих костей, по стенам изображены в некоторых местах красные кресты. От бывшего двухпрестольного храма остались только стены и на них кое-где изображения святых. По преданию, это была церковь во имя святых Богоотец Иоакима и Анны, устроенная над пещерой, в которой молился еще до пришествия Христова св. Иоаким и где он изливал перед Богом в молитве свою скорбь по поводу своего бездетства, из-за которого приходилось ему терпеть множество обид и оскорблений от окружающих. Здесь же праведный Иоаким получил от ангела радостное известие, что Господь снял с него поношение, и жена его Анна родит дочь, которая будет счастьем для всего человечества, ибо она делается Матерью Господа»⁴⁸.

Иеромонах Маркиан (Попов) (1911 г.): «Мы торопились на ночлег в монастырь преподобного Георгия Хозевита; спустившись с горы, сели на поджидавших нас под горой осликов и поехали уже при заходящем солнце к Хозевиту. Дорогой встречались с нами возвращающиеся на ночлег стада овец и коз, масса ребятишек бежали и просили у нас бакшиш, или поричку; наконец, стало совсем темно, дорога пошла между горами; я еще сидел на осле, а спутники мои давно уже сошли с них, боясь, оступившись, полететь в пропасть, и шли пешие. На меня дивился в особенности отец диакон, но я чувствовал, что ослик отлично знает дорогу и идет уверенно; наконец пошли крутые спуски и подъемы, и я в одном месте чуть не упал и поспешил слезть и пошел пешком. Вскоре мы увидели огоньки — это шли к нам навстречу монахи-проводники, и мы при освещении их фонарей благополучно добрались до обители, где отдохнули, подкрепились, кое-что осмотрели в обители и, ради позднего времени, отправились на покой.

⁴⁷ Серафим, иеромонах. Путевые впечатления. СПб., 1910. С. 72—73.

⁴⁸ Путеводитель по святым местам града Иерусалима. Одесса, 1908. С. 196—197.

Утром, отстояв обедню, пошли осматривать монастырь. Местность предивная — стоит монастырь на обрыве, внизу — глубокая пропасть и на дне страшно шумит и ревет быстрый поток; над монастырем еще гора; заходили в пещеру, где, по преданию, молился в скорби праведный Иоаким, когда его дары не приняли в храме и он, удалившись сюда, сетовал о своем бесчадии; и вот, явившийся ангел утешил его радостной вестью и послал его в Иерусалим. В пещере поставлены иконы, и она имеет вид как бы часовни; подкрепившись маслинами, поехали к Иерусалиму»⁴⁹.

Спутник паломника по святым местам (1984 г.): «В лавре преп. Хозевита усопших хоронят, как и везде в восточных монастырях, без гроба, неглубоко в земле или под полом, и потом вынимают кости через определенный срок. Кости и черепа складываются в особой усыпальнице. Такую усыпальницу можно видеть и здесь. Ни автобус, и автомобиль не доходят до горной обители: пешеходная дорога к ней вьется по живописным склонам гор; против монастыря через ложе потока, теперь сухое, перекинут мост. По отвесным скалам ущелья малые дверки и кресты над ними указывают на кельи отшельников, теперь еще обитаемые»⁵⁰.

Инокния Наталия, Горненская обитель (1980-е гг.) «1984 г. На третий день от Богоявления празднуется преподобный Георгий Хозевит. Его монастырь находится в Палестине, он подвизался на этой земле. Наша матушка игуменья благословила желающих сестер поехать на этот праздник. Поехали накануне днем, чтобы успеть к ночной службе в монастырь. После благодатного дождя на Крещение установилась хорошая погода и мягко светило солнышко, почти по-летнему. (У нас уже цветет миндаль и другие плодовые деревья).

Дорога наша идет к Иерихону, но делает большой зигзаг, объезжая горные массивы и поворачивая к самому Мертвому морю. Одна наша старейшая матушка пообещала нам показать ближайший путь через горы, и мы попросили остановить нашу машину напротив гор и дальше отправились пешком по горам, а большинство сестер поехало вокруг на машине. О, как давно я мечтала своими ногами походить по Палестине, какая это была духовная радость!

Как описать горы? Сказать, что они большие — да, но мягко и плавно поднимаются ввысь и также мягко и загадочно вырастают одна из другой и получается целый хоровод гор. Они поросли сухой травкой и издали от этого кажутся бархатными, скользкими. Мы шли по дороге, а внизу, будто мощной рукой, раздвинуты горы и огромные валуны промыла вода. Но много умудрил человека Господь. Недалеко от монастыря находится другой монастырь — преп. Харитона. Из пещеры преподобного бежит источник. Это высоко-высоко в горах. Умелые руки устроили такой канал, который сначала отвесно спадает с горы, а потом, придерживаемый бетонным барьером, направляется ниже и ниже по горам. Этот канал-поток бежит, петляя и спускаясь по горам, вниз в долину Иерихона и здесь наполняет землю и сады. Этот Иерихонский поток бежит как раз напротив монастыря, шумя и журча, беспрестанно и своим тихим водным разговором является как бы часами вечности, напоминающая нам о ней и располагая к молитве. От того, что постоянно бежит вода, здесь растет очень много зелени и деревьев, образуя оазис, а для души человеческой на удивление среди пустынных и серых гор — райский уголок, очень красивый и благодатный.

Сначала нам едва был виден монастырь, потом повороты гор пошли вниз, и мы стали спускаться (по сделанной дорожке) в ущелье. Чуть спустившись, мы увидели, что все отвесные скалы испещрены пещерами, где подвизались преподобные. То

⁴⁹ Святая Земля и Русская Духовная миссия в «дорожных записках» иеромонаха Маркиана (Попова) // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Издание Русской Духовной миссии в Иерусалиме. № 1, часть 1. 2012. С. 224.

⁵⁰ Спутник паломника по святым местам. Париж, 1984. С. 59.

здесь, то там начертаны кресты — знак того, что подвижник здесь и умер. Зрелище это столь великое и величественное и расстояние и протяженность этих пещер так велика, что, наверное, здесь их почил не одна тысяча. Видно позднее была создана лавра-монастырь. Он прилепился на противоположных отвесных горах, к нему через поток сложен мост и ведет дорога. По дороге в монастырь я слезила в одну пещеру. Взобравшись в нее, я опять увидела внутри стену и наверху пещеру, над ней внутри скалы была еще одна пещера. Здесь подземные внутренние ходы между пещерами. Смотришь — над самым утесом пещерка и домик, а как туда попасть? Часть пути — стоит лесенка, еще часть висит веревка до нижней пещеры, а дальше подниматься надо подземными ходами.

Дошли до Иерихонского потока и умылись прохладной водой. Там даже рыбки плавают, и все вокруг цветет, благоухает и славит Господа. Мы пришли в монастырь и нас встречали здешние монахи. Среди греков есть несколько сербских монахов. Сербский язык очень похож на русский и поэтому мы легко понимали, что они нам говорят. Сначала нас повели в общую пещеру, где покоятся мощи (череп и кости) избитых монахов. По окрестным местам было убито сарацинами (дикие племена) 1,5 тысячи монахов, по Афонскому уставу — лежат черепа и отдельно косточки. В этой пещере ими уложен весь пол. Мы молились и просили у святых мучеников помощи. В монастырском храме прикладывались к черепам преподобного Георгия Хозевита и святителя Иоанна. Так же в особых кивотах хранится много черепов из благоугодивших Богу братии, здесь подвизавшихся. Стоят целые ящики с костями убитых от сарацин мучеников.

Но самое удивительное — это мощи о. Иоанна — угодника Божия наших дней. Когда я уезжала к Георгию Хозевиту, то одна старенькая матушка особо меня просила поклониться мощам о. Иоанна, потому что знала его еще живым и имела от него одно благодатное предсказание. По происхождению он румын и еще с двумя рабами Божиими из Румынии бежали от нового стиля. Это были убогие брат и сестра. Они поселились тоже где-то недалеко. Интересно, что о. Иоанн, узнав, что они бедствуют, оставил свою пещеру и затвор и возделал им сад и огород, чтобы было что им кушать, и снова ушел в пещеру. Бывал он и в монастыре, где его и видела старейшая наша матушка. Она о нем отзывается как о человеке редкого духа. «Это, — говорит, — был как Иоанн Креститель по жизни человек и необыкновенно скромный и кроткий. Непонятно, чем он жил и чем питался». Умер он в 1960-х годах. Через 27 лет еврейские солдаты (3 года назад) нашли его совершенно целым. Сохранились руки, лицо, борода, глаза, даже ресницы! Он лежал в той мантии, в которой подвизался и в тех же самых башмаках. Сейчас он лежит в церкви под стеклом, нам мощи открывали, я никогда ничего подобного не видела. Что называется: «изумевает ум», прямо столбенеешь перед такими чудесами Божиими. Я теперь часто вспоминаю об этой обители, и душа трепещет, радуется и желает монашеского жития. К сожалению, мы не успели сходить в пещеру о. Иоанна; может, Господь еще приведет там побывать.

Потом это то самое место, где над главной церковью находится пещера пророка Илии, где он скрывался и где его кормил ворон, принося хлеб. Потом это то самое место, куда в тоске и печали бежал богоотец Иоаким, когда был оскорблен в храме, и где он совершал пост и молился, и где ему явился ангел и сказал, чтобы он поспешил в Иерусалим к своей жене Анне. А в это время и она, утешенная ангелом, спешила навстречу мужу. Потом в этом самом Иерихонском потоке началась проповедь Иоанна Предтечи, и здесь он начал крестить в покаяние. Вот какое наслоение Ветхого и Нового Заветов хранит это место.

Мы молились по афонскому уставу всю ночь напролет без остановки. Такие службы, наверное, ушли в прошлое, но это такая радость молиться, исполняя пол-

ную службу. Даже синаксарий (житие) читали. (Лишний раз жалеешь, что не знаешь языка). Интересно, что после службы не хотелось спать, еще было темно, светили звезды и полная луна. Ум не вмещал, где я нахожусь. Во время службы в самые важные моменты зажигали большое паникадило со свечами и толкали, и оно во всю церковь начинало раскачиваться, так радостно. Это только в пустынных монастырях! Еще на «Хвалите» кадили особой кадильницей с колокольчиками (ручной) в такт мелодии, словом, было не до сна! Перед всенощной кормили на трапезе пустынноческой едой — травой вареной, горькой, но очень вкусной, а после службы всем давали особые сладкие галушки из теста. Как жалко было уезжать оттуда, и как часто теперь мысленно туда возвращаешься⁵¹.

1985 г. Несколько лет назад (2 года) нашли мощи у обители преп. Георгия Хозевита, некоего отца Иоанна, румына по происхождению. Его живым помнит наша старейшая матушка. Он был принесен после 20-летнего лежания в пещере совершенно нетленным — руки, лицо, борода, даже глаза открыты, в той же мантии, в тех же ботинках, что и ходил. Жил он в пещере и питался травой, много помогал людям и был великого кроткого духа человек. Мощи его лежат совершенно открытые под стеклом. И в самой обители есть ревностные и кроткие братья⁵².

<...> Мы задумали пройти по всему ущелью-потоку (от обители преп. Харитона) до монастыря преп. Георгия Хозевита, который находится над этим потоком. Нам представлялся путь недолгим, сначала мы часто отдыхали, но вот приблизился вечер, а монастырских крестов все еще не было видно. Ночевали мы у гостеприимной арабской семьи и лишь на следующее утро дошли до монастыря преп. Георгия. Что это был за путь!!! Невозможно описать строгой и величественной красоты тех мест. Как жалко, что в тот момент кончилась фотопленка.

Мы проходили дикими тропинками то по дну ущелья (источник течет так как ручей), то поднимаясь на горы, иногда шагали через пропасти, спускались по склонам с высокого места, но никто из нас за время пути (10 часов) ни уныл, ни показал усталый вид. Шли мы с такой радостью и бодростью, подшучивая над своими приключениями, что лишь потом удивились как смогли совершить такое путешествие, да еще с тяжелыми сумками (подарки в обитель и еда). Одна старенькая матушка сказала, что до полдороги нас провожал преп. Харитон, а с полдороги встречал преп. Георгий. Чувства подсказывали, что так это и было. Никто не споткнулся, не оступился в пути и все оказались терпеливыми и выносливыми. У преп. Георгия мы служили вечерню (батюшка серб о. Григорий) и наутро — утреню и литургию, и все причащались. Потом еще поднимались в пещеру, где подвизался преп. Иоанн Хозевит (епископ Кесарийский) и его последователи⁵³.

<...> На третий день от Крещения мы побывали в монастыре преп. Георгия Хозевита. Служба на этот раз еще более украсилась афонским звоном в ручное деревянное било. Дело в том, что в монастыре появился монах с Афона, и он сам устроил это било (выточил из доски) и троекратно звонил в него перед началом службы, обходя все этажи монастыря сверху донизу, пробуждая и призывая к молитве⁵⁴.

1987 г. Монастырь преп. Георгия Хозевита. Особенное чувство оставляют эти всенощные бдения, которые совершаются сейчас разве что на Афоне, да иногда вот в Палестине. Оставшееся монашество как дорогой жемчуг дарит их православному миру. В то время, когда весь мир погружен в сон, здесь идет тихое и радостное торже-

⁵¹ Наталия, инокиня. Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983—1989 гг.). СПб., 1996. С. 76—79.

⁵² Там же. С. 111—112.

⁵³ Там же. С. 118.

⁵⁴ Там же. С. 125.

ство и моление. Оно не подобно древним молениям, есть лишь их слабый отголосок, но тем оно дороже нам — будто бы переносит нас в то далекое время к преподобным отцам. На этих службах чувствуется неременное присутствие преподобных, от того, видимо, эта радость на душе. Ничего так не люблю из празднеств, как эти пустынные всенощные бдения!⁵⁵

1988 г. Мы опять отправились через горы к пустынному монастырю преп. Георгия. Я всякий раз пишу, что жду этого праздника, как Пасху и Рождество, так люблю эту удивительную всенощную во всю ночь в пустынной обители. Очень радостно снова пережить эти впечатления древней пустынной службы с ручным биллом, чудным византийским пением и чтением, в особо торжественные моменты службы с раскачиванием паникадил и лампад, с каждением кадильницей и с торжественным колокольным звоном в диком ущелье под шум воды источника под звездным ночным небом, когда все люди спят, а здесь служба до самого утра! Очень трудно уходить из обители и прощаться с ней, много раз оглядываешься, пока горы совсем не скроют ее из вида и тогда далеко еще виден на вершине горы Крест, указывающий, что здесь монастырь⁵⁶.

1989 г. Мы посетили обитель преподобного Георгия Хозевита и молились за всенощным бдением. Со мной произошла удивительная и поучительная история. Когда начало темнеть, мы пошли вчетвером искупаться в источнике, что течет напротив монастыря на возвышенном месте самого преп. Харитона. Пока мы выбирали удобное укромное место и продвигались в какие-то кущи, я следовала за одной сестрой и уже решила спуститься с бортика источника на красивую зелень, опустила ногу..., сестра успела сказать: «Здесь...» и я полетела в какую-то бездну. Оказалось, что под кустами не было земли, а пропасть, конечно, не очень глубокая, но я несколько раз перекувырнулась то через голову, то через плечо, ударяясь то там, то там и, наконец, проехав по земле носом, остановилась. Встала — все цело, только на носу ссадина (это, чтобы его не задирать) — чудо! Так меня спас преп. Георгий Хозевит. Сестры все тоже удивились; чтобы слететь с такой кручи и ничего... Нос, правда, распух, но даже синяка не было, т. к. я прикладывала холодную медь⁵⁷.

Игумен Никон (Смирнов) (1994 г.): «Едем в монастырь преподобного Георгия Хозевита, который жил в VII веке. Первым известным святым там стал преподобный Иоанн Хозевит. В 614 году здесь проживало 14 тысяч монахов, персы их всех замучили. В Ветхом Завете сюда бежал пророк Илия. Сюда же ушел однажды для молитвы праведный Иоаким. Автобус кружится по горной дороге. Остановились у площадки, вышли из автобуса. Матушка Мария со смирением обычно просит у бабушек благословения. И сейчас, обращая ко мне, говорит: «Благословите нашу дорогу, чтобы ничего не случилось». После благословения идем минут 30. Потрясает природа. Это горы, горы, горы. Приближаемся к монастырю. Дорога извилистая. Монастырь выглядит как оазис среди безжизненных горных массивов. Внизу, под нами — высохшее русло, головокружительная высота.

Вошли внутрь обители. Прошли в пещеру, где спасался когда-то от нечестивых правителей пророк Илия. Здесь он пробыл три с половиной года, когда не было дождей, и наступил голод. Мы ставим свечи, поем тропарь пророку. В этой же пещере молился праведный Иоаким, терпевший поношения бесчадства «от соотечественников», и здесь ему явился, по преданию, Архангел Гавриил и известил о рождении Девы Марии. В пещере изображены св. пророк Илия и праведный Иоаким. Потом мы пошли в церковь Божией Матери. На своде над иконостасом написано крупны-

⁵⁵ Там же. С. 142.

⁵⁶ Там же. С. 173.

⁵⁷ Там же. С. 177.

ми славянскими буквами «Яко Бог наш», храм расписывали русские художники-монахи, которые паломниками приходили сюда и оставались в братии.

В храме имеются ковчеги со святыми мощами. Главы преподобных Иоанна Хозевита и Георгия Хозевита заключены в особом ковчеге, они очень чистые, светло-желтые, как свежий воск. Мы приложились к ним. Есть в чаше-мощевике частица от главы святого Иоанна Предтечи. Потом мы пошли в часовню, что рядом с храмом. Там усыпальница многих насельников монастыря, главы и косточки монахов, замученных персами в VII веке. Отдельно в гробнице из дерева под стеклом — мощи преподобного Иоанна-румына, который в 1930 году бежал из Румынии, когда там перешли на новый стиль. Здесь он подвизался отшельником и умер. Еврейские археологи обнаружили его останки в пещере, из которой шло благоухание. Сейчас его, облаченного в мантию, в епитрахили хорошо видно в гробнице лежащим. Два года назад Румынская Церковь его канонизовала.

В древности в монастырь вход для женщин был закрыт, но однажды женщина просила игумена пустить ее для исцеления от болезни. Игумен отказал. Тогда был глас Божией Матери к игумену пустить женщину, и она получила исцеление. С тех пор женщин стали пускать. Службы в монастыре идут с 8 вечера до 7 часов утра»⁵⁸.

Протоиерей Иоанн Грудницкий (1995 г.): «Идем пешком в ущелье, где расположен греческий монастырь преподобного Георгия Хозевита. Вокруг желтая мертвая пустыня и вдруг за одним из крутых поворотов все изменяется: мы видим ущелье, по дну которого течет небольшая речка Ель-Кельт, или Хорафа. На левой стороне ущелья, как ласточкино гнездо, расположен монастырь. В храме, помолившись и пропев тропарь и кондак преподобному Георгию Хозевиту, мы увидели и узнали много интересного. Трудные условия пустыни, удаленность от населенных пунктов — все это наложило отпечаток на уклад жизни в монастыре. Мы будто попали в VII век, когда здесь жил преподобный Георгий Хозевит. Здесь и теперь живут отшельники. Отшельники в конце XX века! В стенах ущелья находится много пещер, где они и подвизаются. Хлеб и воду им поднимают в плетеных корзинах (несколько корзин и сейчас висят на блоках). Если еда не берется в течение нескольких дней, пещеру закрывают камнем и начертывают крест. Сколько крестов видно на стенах ущелья!..

В одной из пещер этого монастыря жил пророк Илья, скрываясь от нечестивой Иезавели (3 Царств. XVII, 3). Нас провели в эту пещеру. Здесь же мы увидели и икону преподобного Серафима Саровского чудотворца, изображенного стоящим на камне. В Святой Земле преподобный Серафим очень почитаем. В другой пещере мы с благоговением касались мощей 40 тысяч мучеников, некогда пострадавших. А рядом мощи одного из неканонизированных монахов этого монастыря. Почти нашего современника, нетленные мощи!.. Потрясенные увиденным и пережитым, покидали мы уединенное ущелье, медленно поднимаясь в гору и возвращаясь снова в XX век...»⁵⁹

Начало 2000-х гг. Местный русский священник отец Димитрий поведал следующее:

— Недалеко от Иерусалима находится древнейший в мире действующий православный монастырь Георгия Хозевита, построенный в пятом веке. Он расположен в горах на старой дороге между Иерусалимом и Иерихоном. Наместником в нем был погибший иеромонах греческого происхождения Герман. Он был по натуре очень бодрым и деятельным человеком, много трудился для восстановления жизнедеятельности монастыря, будучи еще простым монахом. Ведь необходимо было добиться, чтобы в монастыре постоянно совершалась служба, приезжали, как когда-то, паломники.

⁵⁸ Никон (Смирнов), игумен. От Галилеи до Фиваиды. Изд-во «Паломник», 1995. С. 45—46.

⁵⁹ Грудницкий Иоанн, прот. Паломничество по Святой Земле в конце XX века. Брест, 1995. С. 100—101.

Прежде никто из священнослужителей долго не задерживался: условия жизни и службы были тяжелыми. Чего стоили только утомительные ежедневные поездки в монастырь! Дорога очень опасная, особенно в зимнее время, когда в Израиле идут дожди. Тогда даже опытные водители экскурсионных автобусов не решаются туда ездить, поэтому когда Германа рукоположили в иеромонахи, ни у кого не было возражений против назначения его наместником в этот монастырь.

Рассказывая об иеромонахе Германе, отец Димитрий много говорил о его личных качествах:

— Надо сказать, отец Герман был веселым человеком, точнее будет — человеком; преисполненным духовной радости и, несомненно, одним из самых лучших священников Иерусалимской патриархии. Господь забирает у нас лучших, — скорбно заметил священнослужитель. — Год назад умер от разрыва сердца архимандрит Анастасий — наместник Вифлеема. Ему было всего тридцать восемь лет. Он занимал видное положение в нашей церковной иерархии. По российскому светскому табелю о рангах оно, пожалуй, сопоставимо со званием полковника, находящегося на генеральской должности. А Герману — тридцать пять.

В те дни в русскоязычной газете «МИГ» появилось маленькое сообщение. В нем говорилось, что «по дороге из Иерусалима в Иерихон полицией была обнаружена поврежденная машина с израильскими номерами. Христианский священник, находившийся в ней, был забит насмерть камнями. Виновные не обнаружены, ведется расследование».

— Я не обладаю информацией, по какой дороге двигался Герман. Если он ехал к себе в монастырь из Иерусалима, — высказал свои предположения отец Димитрий, — а не из Иерихона, то там вдоль дороги находятся только еврейские поселения, там нет арабских деревень... Арабы — и христиане, и мусульмане — я это знаю и лично видел неоднократно во многих местах — постоянно приходят к христианским храмам и монастырям, продают немногочисленным сейчас туристам и паломникам различные церковные сувениры, изделия народного промысла, например хатум — платок такой, повязывается на голову, как у Ясира Арафата, — фрукты, воду.

— По опыту знаю, — продолжал отец Димитрий, — отец Герман наверняка поддерживал с местными жителями хорошие отношения. Он прекрасно говорил по-арабски, как и многие у нас в патриархии, я имею в виду греков. К тому же наши священнослужители зачастую живут среди арабского населения, поэтому просто невозможно представить, чтобы арабы убили православного пастыря. Здесь нет ни цели, ни смысла, ни логики. Зачем закидывать машину того, кто дает им возможность зарабатывать, кормит их семьи?

У нас на Святой Земле никто не помнит случая, чтобы арабы-мусульмане и тем более арабы-христиане убивали православного священника. У мусульман бывают другие искушения, но такого еще не было. Обижать священника здесь, на Святой Земле?! На протяжении веков мы всегда стремимся сохранять мир и добрососедские отношения с представителями других конфессий. Тем не менее я не могу делать выводы по данному случаю, пусть их делают следственная комиссия и соответствующие компетентные органы. Конечно, смерть православного священника для всех нас большая трагедия, но это еще и духовное утешение. Независимо от того, от чьей руки он погиб, несомненно, он принял мученическую кончину, когда выполнял свое служение. Ведь передвижение по дорогам — это необходимость. Значит, он погиб при исполнении своих обязанностей. Фактически является мучеником...⁶⁰

⁶⁰ Азаров Владимир. Прикосновение к святыням. Валаам. Палестина. М., 2004. С. 103—106.